

**ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ СЕЛЬСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

О.В. Никифорова

В статье на основе анализа архивных документов, дореволюционной периодики и полевых материалов автора показано одно из главных проявлений православной религиозности – практика участия сельского православного населения Оренбургской епархии в церковных таинствах Исповеди и Причастия. Выявлены мотивы и причины редкого принятия таинств, а также показано влияние религиозности на общий уровень нравственности на Южном Урале во II половине XIX – начале XX века.

Ключевые слова: Православная Церковь, религиозность, крестьяне, казачество, нравственность.

Практика евхаристического общения человека с Богом есть основа и средоточие соборного опыта Православной Церкви, один из главных способов постижения Высшей Реальности и приобщения к Ней. Евхаристическая практика Русской церкви в XIX веке совмещала в себе два таинства – Покаяния и Евхаристии (Причащения).

В древней Церкви таинство Евхаристии воспринималось христианами как таинство, объединяющее все собрание верующих в единое Тело Христово. Общее причащение за каждой Литургией было нормой. Святитель Василий Великий (IV в.) писал: «Хорошо преползено каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову», «причащаемся 4 раза в каждую седмицу – в день Господень, в среду, в пяток и в субботу; а также и в иные дни, если бывает память какого святого» [1, с. 78].

В дореволюционной России сложилась практика причащения мирян один раз в год. Это было следствием «формализации сакрального» [2, с. 9], происходившей в XVIII–XIX вв. в подчиненной государству Русской Церкви. В этом отношении несомненную отрицательную роль сыграли указы Петра I 1716 и 1718 годов о ежегодном обязательном хождении к исповеди. Таким образом, таинства Покаяния и Евхаристии становились

своеобразной «пробой на благонадежность, способом выявления инакомыслия» [2, с. 9]. Раз в год священниками должны были составляться духовные росписи по трем рубрикам: о бывших на исповеди, о не бывших на исповеди и о раскольниках [3, с. 44].

Исследователи отмечали возрастание числа не бывших на Исповеди и Св. Причастии в 40–50-е гг. XIX в.: в 1842 г. 8,2 % православного мужского населения империи и 7 % женского не исповедовалось по нерадению, а в 1852 г. уже 9,1 и 8 % соответственно (эти данные публиковались в ежегодных отчетах обер-прокурора Святейшего Синода) [4, с. 337].

Ситуацию в Оренбургской епархии можно представить по таблице, которая показывает соотношение бывших и не бывших на исповеди и у Святого Причастия, составленной А.И. Конюченко на основании архивных материалов.

Таблица 1
Соотношение бывших и не бывших на Исповеди и у Святого Причастия [3]

Год	Было		Не было	
	абс.	%	абс.	%
1868	320205	66	167297	34
1869	309969	73	115551	27
1872	332420	64	186418	36
1873	314001	61	203839	39
1874	316794	60	214778	40
1875	314890	68	226077	42
1876	328884	60	223359	40
1877	331817	64	191020	36

Как видно из таблицы, в охваченное время тенденция не имеет устойчивого характера. Существенные колебания можно объяснить незначительными изменениями территориального состава епархии, подвижной возрастной структурой общества и тем, что в связи с походами в Хиву и Бухару постоянно менялось количество православных на территории епархий, занятых в этих походах [3]. Можно лишь сделать вывод о том, что большинство православного населения в конце 1860-х – 1870-е гг., как минимум, один раз в год исповедовалось и причащалось.

Свидетельством того, что многие православные причащались единожды в год, но не всегда во время Великого поста, служит распоряжение Оренбургской Духовной Консистории от 10 июля 1874 г., гласящее: «прихожан, исполняющих христианский долг исповеди и св. причастия не в св. сорокостнице, когда обыкновенно делаются отметки в духовных росписях, а в другие посты, в представляемые к епархиальному начальству списки о нерадивых к исполнению сказанного долга включать не следует» [5, с. 561].

Оренбургские епископы в ежегодных отчетах о состоянии епархии отмечали, что «особое усердие к церковным таинствам проявляют переселенцы из малороссиян, а также выходцы из великороссийских губерний ... Гораздо меньшим усердием в этом отношении отличаются природные жители – казаки, чему немало способствует сам род их службы и походная жизнь, а также давнишнее общение с окружающими их инородцами-мусульманами» [6]. Священники представляли половозрастной состав «гомельщиков» (так в народе называли готовящихся к принятию таинств Исповеди и Причастия): «преимущественно старики и старухи с детьми от 7 до 18 лет обоего пола. Женщин говееет больше чем мужчин. Мужчины от 18 до 45 лет бывают очень редко у святого причастия» [7, с. 280].

Причинами редкого принятия таинств было отсутствие храмов в селениях, как, например, было в казахских аулах Тургайской области, где жили русские переселенцы. От ближайшего храма их отделяло более 100 километров. Священник раз в году, Великим постом, приезжал к ним, чтобы исповедовать и причастить [8].

Другими причинами редкого причащения было незнание основ верования и влияние представителей других конфессий. Особенно велико оно было среди крещеных инородцев: на них оказывало воздействие мусульманское население края, этнически более близкое, чем русские. Так, нагайбаки воспринимали православие как «русскую» веру, веру чужую, многие были христианами только по имени [9, с. 766], что еще более усугублялось нерадением некоторых священников о религиозном просвещении своей нерусской паствы. Старик-нагайбак в откровенном разговоре со священником Василием Тимофеевым рассказывал: «до поступления к нам о. Николая (Сейфуллина) мы не знали, что за исповедь, нас, бывало, загонят в общественный дом человек сотню, и говорит священник: сказывайте грехи, а писарю прикажет записать всех; затем, уплативши ему дань, уходим по домам» [10, с. 203]. Формальное исполнение долга исповеди инородцами вскрывалось и в случае смертельной болезни, когда они были вынуждены приглашать священника для исповеди и причастия, чтобы в случае смерти он засвидетельствовал ее мирный характер, и не пришлось бы иметь дело с представителями власти [11, с. 239]. На вопросы же священника о содеянных грехах больной отвечал, что он «или не знает грехов, или у него вовсе их нет» [12, с. 420].

Влияние старообрядческого населения на религиозное мировоззрение православных просматривалось в уклонении последних от частого причащения, из-за боязни «погрешить, не исполнив по слабости всего положенного», так как «Святые Тайны, – по объяснению раскольников, – надо снести» [13, с. 58–59]. Сами старообрядцы, прежде всего беспоповцы, причастия не имели, а их исповедь часто превращалась в «исповедь земле», т.е. исповедание своих грехов не перед священником, а «перед Богом и матерью сырой землей» [14, с. 281].

Основными мотивами редкого причащения можно назвать следующие: 1) формальное и безразличное отношение к вере, объяснявшееся занятостью; 2) благоговейное отношение к таинству, исходящее из не совсем верного понимания его сути.

Первый мотив чаще встречался у мужчин в силу их социального положения. Один из священников соседней с Оренбургской Пермской епархии отмечал, что мужчины от 18 до 45 лет бывают очень редко у Св. Причастия. На увещания священника они обычно отвечали: «Некогда нам, батюшка, говеть-то, мы люди рабочие, то надо хлебушко молотить, то в извоз съездить, в лес сходить дровец нарубить. Подушно трясут, а где мы его возьмем, если не станем трудиться; радехоньки бы Богу помолиться, да некогда, видит Бог, некогда!» [11, с. 239] Действительно, подготовка к принятию таинств занимала продолжительное время, самое малое – неделю.

Препятствием в подготовке к таинствам могло быть и социальное окружение. Так, например, рабочие Оренбургского депо в 1916 г. обращались к епископу Мефодию с просьбой походатайствовать за них перед начальством: «теперь Великий пост и все христиане говеют. Но мы, смазчики второго участка не говели, несмотря на наше желание. Потому что наш начальник участка никого не пускает, несмотря на нашу просьбу (так как он сам поляк)... Некоторые из нас не говели уже по семи лет и просили у него отпуск для говения, но он не отпустил, несмотря на малое движение поездов» [15].

Для многих принятие таинства Причащения было окутано благоговейным страхом, и крестьяне предпочитали совсем не приступать к таинству, чем быть осужденными за его недостойное принятие. Священник Ивановского прихода Челябинского уезда Андрей Земляницын сообщал о предрассудках против причащения Святых Тайн: крестьяне «говорят, например, что после Причастия не следует плевать три дня, не ходить в баню, супругам не разделять ложа, потому иные и не ходят к св. Причастию, боясь, по местному выражению «не сдержатъ причастия» [16]. Другие священники сообщали, что молодые супруги в течение года не причащались, боясь, что «не снесут причастия» [17, с. 162].

Св. Дарам (Таинству Причащения) приписывали большую магическую силу, в частности, способность выявлять нечистое в человеке, отчего их принятия избегали колдуны и ведьмы. В XVIII в. заводилось немало дел о лицах, не проглотивших частицы Св. Даров, а потихоньку выпустивших их изо рта и спрятавших в тряпицу; если пойманные отказывались повиниться, их поступок рассматривался как злоумышление (волшба) и они передавались на допрос с пристрастием. Подобное же дело нам удалось обнаружить в Государственном архиве Оренбургской области.

В Белорецком заводе, сообщал священник Семён Евладов, «некоторые из жителей ... не проглатывают святые Дары, а выплевывают их в платки»

[18], в данном деле была уличена девица Акулина Немкова и на вопрос священника ответила, что ее научила этому знакомая девица Александра Шевкунова, которая будто бы и сама так делала. Однако в процессе разбирательства Немкова переменяла объяснение, говоря, что ее «душа не приняла» Св. Причастия [18]. Священникам так и не удалось выяснить истинных мотивов подобного поступка, а уличенная девушка подверглась увещанию, должна была принести покаяние и исправиться.

В благочестивых православных время поста создавало особый духовный настрой, готовность к покаянию. Крестьяне старались, как можно чаще бывать за богослужением. По словам Архиповой Ольги Павловны, 1912 г.р., Великим Постом причащались несколько раз, по субботам. «Всю неделю проходят (в церковь – авт.), промолятся, и в пятницу исповедуются, в субботу причащались. А в воскресенье тоже в церкву ходили» [19].

Усердие к исполнению долга исповеди и причастия отмечали многие приходские священники, причем замечали, что делают это крестьяне «непринужденно, неопустительно и с особым расположением духа веры» [20, с. 739]. Священник В. Покровский писал о своих прихожанах: «В течение Великого Поста говеют почти все. Разве только какие-нибудь крайние случаи могут помешать этому. Опускание такое крестьянин считает большим грехом и спешит покаяться в нем прежде других грехов своих» [21, с. 333].

Христианство утверждает, что целью покаяния является оставление грехов и изменение жизни в соответствии с библейскими заповедями. И хотя архиереи отмечали, что «в общем, православное население Оренбургской епархии любит святую веру православную и старается располагать по требованиям ее свою жизнь...» [22], однако «нравственная жизнь прихожан не соответствует требованиям христианской нравственности» [22]. Священники, более приближенные к своей пастве, замечали, что «как на счет христианской религии, так и по части морали понятия прихожан не ясны, не определены, в силу чего они не могут с надлежащим чувством относиться к предметам той и другой и тем еще менее могут высокие принципы христианской морали воплощать в своей жизни» [21, с. 333]. Дела христианского благочестия «исполняются прихожанами больше механически, по традиции, без ясного понимания внутреннего смысла совершаемых действий» [23, с. 401].

Анализ статистики некоторых видов преступлений, которые в православной традиции именуется грехами, не позволяет говорить о значительном ухудшении религиозно-нравственного состояния паствы (см. табл. 2, 3). Правда, в 1910 г. несколько увеличилось число самоубийств. Напомним, что самоубийство есть крайняя степень отчаяния, и христианством расценивается как самый тяжкий грех, так как после его совершения уже невозможно покаяние. Увеличение самоубийств может свидетельствовать о возрастании числа неверующего населения.

Таблица 2

Насильственные смерти в Оренбургской губернии [24]

	детоубийства		убийства		самоубийства		Всего	всего по губернии
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.		
1880								
В городах	2	–	10	2	8	–	22	174
В уездах	6	6	110	2	13	5	152	
На 100 тыс. чел.	1,3		12,9		2,5			
1881								
В городах	1	1	13	1	3	–	19	147
В уездах	9	9	77	9	7	7	128	
На 100 тыс. чел.	1,9		10,6		1,8			
1882								
В городах	–	–	8	5	5	2	20	96
В уездах	2	1	43	8	13	9	76	
На 100 тыс. чел.	0,3		6,2		2,8			
1910								
В городах		1	22	5	24	7	59	350
В уездах	9	8	193	26	47	8	291	
На 100 тыс. чел.	0,8		6,9		4			

Таблица 3

Количество незаконнорожденных детей в Оренбургской губернии [25]

Годы	1863	1880	1881	1882
Города и уезды				
г. Оренбург	86	63	62	114
Оренбургский уезд	104	81	49	100
г. Орск	–	4	–	7
Орский уезд	–	26	21	37
г. Верхнеуральск	19	14	7	12
Верхнеуральский уезд	13	82	39	81
г. Троицк	18	15	13	28
Троицкий уезд	66	117	102	189
г. Челябинск	31	22	14	34
Челябинский уезд	240	339	114	317
г. Илецк	–	3	1	1
Всего	577	766	422	920
На 100 тыс. человек	34	74	40	89

Примечание к таблицам: знак «–» обозначает отсутствие данных.

Формальное по требованию традиции и государственной власти участие в таинствах Православной Церкви, осмысливавшихся в категории «христианского долга», не изменяло жизни большинства населения Оренбургской епархии. Причины этого крылись формализации сакрального, выражавшейся, прежде всего, в государственном регулировании совершения народом этих таинств, а также в народном невежестве и влиянии иноверцев.

Библиографический список

1. Громько, М.М. О воззрениях русского народа / М.М. Громько, А.В. Буганов. – М.: Паломник, 2000.
2. Ореханов, Г., иерей. На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция / Г. Ореханов. – М.: Изд. ПСТБИ, 2002.
3. Конюченко, А.И. Религиозно-нравственная характеристика православного населения Оренбургской епархии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А.И. Конюченко // Вестник Челябинского университета. Сер. № 1. – История. – 1998 – № 1.
4. Литвак, Б.Г. Русское православие в XIX веке / Б.Г. Литвак // Русское православие: вехи истории. – М., 1989.
5. Распоряжения по Епархиальному Управлению от 10 июля 1874 г. – о невключении в списки о нерадивых к исполнению христианского долга исповеди и св. причастия тех прихожан, которые исполняют сказанный долг не в св. четырехдесятницу, а в другие посты // Оренбургские епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). – 1874. – № 15. – Отд. офиц.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2533. Л. 47 об.
7. Пьянков, В., священник. Некоторые черты из жизни Горских прихожан во время Великого поста / В. Пьянков // Пермские епархиальные ведомости (далее – ПЕВ). – 1870. – № 22. – Отд. неоф.
8. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 173. Оп. 5. Д. 9427. Л. 30.
9. Емекеев, С., учитель. Ногайбаки / С. Емекеев // ОЕВ. – 1902. – № 21. – Часть неоф.
10. Тимофеев, В.Т., священник. Миссионерское путешествие по инородческим приходам Оренбургской епархии / В.Т. Тимофеев // ОЕВ. – 1890. – № 6. – Миссионерск. отд.
11. Голобушин, И., священник. Случаи из практики сельского священника / И. Голобушин // Руководство для сельских пастырей (далее – РДСП). – 1889. – Т. 3. – № 43.
12. Руфимский, П., священник. О напутствовании умирающих в инородческих приходах / П. Руфимский // РДСП. – 1889. – Т. 1. – № 14.
13. О привлечении прихожан к аккуратному исполнению христианского долга исповеди // ОЕВ. – 1912. – № 2. – Часть неоф.

14. Смирнов, С. Древнерусский духовник: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / С. Смирнов. – М., 1914.
15. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 305. Оп. 1. Д. 26 Л. 45.
16. ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5642. Л. 159 об.
17. Королева, Е.Д. Труды православного духовенства в укреплении благочестия и нравственности населения / Е.Д. Королева // Пятые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. – Екатеринбург, 2004.
18. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10517. Л. 12.
19. Полевые материалы, собранные автором в г. Кусе Челябинской области в 2001 г.
20. Невский, И., свящ. Село Слоновка Оренбургского уезда / И. Невский // ОЕВ. – 1898. – № 19. – Отд. неоф.
21. Покровский, В., свящ. Село Саратовка Оренбургского уезда / В. Покровский // ОЕВ. – 1905. – № 9-10. – Часть неоф.
22. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2042. Л. 41 об.
23. Чернавский, Н.М. Село Воздвиженское Оренбургского уезда / Н.М. Чернавский // ОЕВ. – 1897. – № 22. – Отд. неоф.
24. Таблица составлена по: Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 г. / Под ред. П.Н. Распопова. – Оренбург, 1884; Адрес-календарь и справочная книжка Оренбургской губернии на 1912 г. – Оренбург, 1912.
25. Таблица составлена по: Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г. – Уфа, Б. г.; Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 г. / Под ред. П.Н. Распопова. – Оренбург, 1884.

[К содержанию](#)